

Край света

Автор:

Василий Головачев

Край света

Василий Головачев

Легенды рассказывают, что на севере России можно найти древнюю крепость Рамль, которая была построена представителями таинственной гиперборейской цивилизации более 20 тысяч лет назад...

На поиски Рамля отправляется опытный путешественник Дмитрий Храбров. Но он не подозревает, что крепость ищет и могущественный гиперборейский маг...

Василий Головачев

Край света

В поселок Уэлькаль, по сути, стойбище морских охотников – эскимосов и чукчей, расположенное на берегу Восточно-Сибирского моря, Дмитрий завернул не потому, что этого требовал маршрут экспедиции, а по причине более прозаической: кончились запасы соли. Задавшись целью в одиночку обойти все побережье Северного Ледовитого океана, Дмитрий сильно рисковал, несмотря на то, что за его спиной были десятки других экспедиций по Крайнему Северу России, по островам северных морей и по горным странам. Однако он был не только известным путешественником, учеником знаменитого Виталия Сундакова, названного королем путешественников, но и специалистом по выживанию в экстремальных условиях и никого и ничего не боялся.

Дмитрию Храброву исполнилось тридцать лет. Он был высок, поджар, сухощав, изредка отпускал усы и бородку – особенно во время экспедиций, носил длинные волосы и выглядел скорее монахом-отшельником, чем мастером боя и выживания, способным без воды и пищи пройти сотни километров по пустыне. В двадцать два года он окончил журфак Московского госуниверситета, полтора года отработал в одной из подмосковных газет, женился, но потом увлекся путешествиями, и семейная жизнь его закончилась. Жена не захотела ждать мужа, заработка которого не хватало даже на косметику, по месяцу, а то и по два-три и ушла.

Дмитрий переживал потерю долго, он любил Светлану и даже подумывал бросить свою карьеру путешественника и исследователя, но учитель и он же инструктор по русбою помог ему развеять тоску, познакомив с археологами, исследовавшими поселения древних гиперборейцев в Сибири. Дмитрий, загоревшись историей их расселения по территории России, три года провел за Уралом, раскапывал Аркаим, Мангазею и другие поселения русов, потомков гиперборейцев, много тысяч лет назад высадившихся на севере Евразии.

Он, и покинув археологов, остался исследователем-этнографом, а не просто любителем путешествий, продолжая искать материальные и культурные следы предков там, где в настоящее время редко ступала нога человека.

Дмитрий неплохо знал фольклор народов Крайнего Севера, поэтому, планируя экспедиции, руководствовался не своими желаниями, а легендами и мифами, передающимися из рода в род. Мечта Дмитрия обойти северное побережье России опиралась на не менее сумасшедшую идею найти легендарный Рамль, или Ракремль, – древнюю гиперборейскую крепость, около двадцати тысяч лет назад якобы располагавшуюся где-то на Чукотском побережье. Об этом говорили легенды олочей и юкагиров, чукчей и эскимосов. А узнал об этих легендах Дмитрий от своего знакомого, охотно спонсировавшего его экспедиции, который, в свою очередь, был знаком с членами фольклорно-этнографической экспедиции профессора Демина, несколько лет исследовавшей Чукотку.

Рамль искали и до Дмитрия, причем по всему побережью Северного Ледовитого океана, от Мурманска до Уэлена, но Дмитрий почему-то был уверен, что повезет именно ему.

Высадившись в Уэлене в начале июня, когда в этих местах начиналась весна, Дмитрий за два летних месяца прошел около восьмисот километров вдоль побережий Чукотского и Восточно-Сибирского морей, но короткое северное лето кончилось, в конце августа температура воздуха упала до минус восьми градусов, начались снегопады, и темпы движения снизились. Однако отказываться от продолжения пути Дмитрий не собирался и упорно двигался дальше, надеясь к лютым холодам дойти до устья Колымы – в том случае, если не повезет и он не отыщет следы самого южного[1 - Гипербореяская цивилизация располагалась на материке, который занимал бассейн Северного Ледовитого океана, и Крайний Север России для него был югом.] форпоста Гипербореи.

В Уэлькаль Дмитрий попал к обеду.

Солнце висело низко над горизонтом и готовилось спрятаться за гряды дальних холмов, с которых начиналось Чукотское нагорье. Близилась полярная ночь, и дни становились все короче и темней. Дмитрию это обстоятельство не мешало, а вот стойбище готовилось к длинной зиме и дорожило светлым временем суток, чтобы успеть выйти лишней раз в море и сделать запасы на зиму.

Охотники Уэлькаля смогли возродить забытый национальный промысел – охоту на гренландского кита – и за смехотворно короткий летний сезон успевали обеспечивать стойбище уймой деликатесов – мясом нерпы, лахтака, белухи, моржа, китовым мясом и жиром и прочими дарами моря. Но Дмитрию в общем-то эти деликатесы были ни к чему, во время экспедиций он и сам охотился на зверя, лесного и морского, и не переживал, что останется без пищи.

Уэлькаль представлял собой полсотни яранг – конусовидных строений из деревянных шестов и оленьих шкур, в искусстве возведения которых чукчам и эскимосам не было равных, и деревянных домиков более цивилизованного вида. Домиков насчитывалось с десятков, и четыре из них принадлежали местной власти – жилищно-коммунальному хозяйству, магазину, школе и детскому саду. Все они располагались в сотне метров от берега не как попало, а по кругу, точнее – тремя почти точными кругами с общественными строениями в центре, и хотя население стойбища насчитывало всего триста пятьдесят человек, выглядел Уэлькаль не временным лагерем, а чуть ли не городом, выросшим на краю света. Впереди – берег и ледяное море, за спиной – вечно мерзлая тундра с редкими холмами. Ни дорог, ни тропинок, только будто утюгом выглаженное побережье Восточно-Сибирского моря.

Связь Уэлькаля с большим миром случается не чаще пяти-шести раз в год, когда сюда прилетают самолеты с гуманитарной помощью, топливом для местного «флота» – двух моторных вельботов и карбаса и кое-какими товарами для магазина. Но гости в поселок заявляются чаще, особенно когда кончается охотничий сезон. Тогда в Уэлькаль приезжают на вездеходах посланники губернатора и барыги, которые за бесценок скупают, а то и на бутылку разведенного китайского спирта выменивают пушнину и драгоценное мясо морских белух.

Обо всем этом Дмитрию поведал Миргачан, местный шаман, ламут или эвен по национальности, который первым встретил путешественника на берегу моря и пригласил в гости. Жил он в просторной яранге, покрытой двумя слоями оленьих шкур. Шкурами его жилище было устлано и внутри, так что представляло собой роскошную мягкую спальню, способную вместить сразу две-три семьи. Однако шаман – еще не старый человек лет пятидесяти пяти – жил один и жену заводить не собирался. Много лет назад он был охотником, неудачно бросил гарпун в моржа, и тот едва не убил его во время схватки. С тех пор Миргачан хромал, плохо видел правым глазом и сторонился людей. Почему он решил стать шаманом, Миргачан и сам не помнил, но прошел посвящение и поселился в Уэлькале, где нашел понимание и покой.

Дмитрий с интересом оглядел внутреннее убранство яранги, потрогал на полочках вырезанные из китового уса и моржовых клыков фигурки зверей, птиц и людей, бросил взгляд на самые настоящие батареи водяного отопления: поселок имел центральную котельную, начальник которой, он же кочегар, пользовался у жителей огромным авторитетом. Цивилизация пришла и в этот богом забытый уголок, что подтверждали стоящий у стенки яранги японский телевизор и электроплита.

Запахи в жилище шамана вполне соответствовали его образу жизни – запахи трав, шкур, китового жира и паленой шерсти. Однако приходилось терпеть, чтобы не обидеть хозяина.

Лошадь Дмитрий накормил и оставил рядом с оленями, принадлежащими Миргачану; ее он использовал только в качестве вьючного животного, передвигаясь преимущественно пешком. В яранге было тепло, но раздеваться Дмитрий не стал, надеясь лишь на беседу с шаманом, а не на ночлег. Миргачан достал початую бутылку настоящей кристалловской водки, вяленую рыбу и

особым образом приготовленное нерпичье мясо. От водки Дмитрий отказался, сославшись на веру, запрещавшую ему употреблять алкогольные напитки (что в общем-то соответствовало истине), а рыбу и мясо попробовал.

Миргачан почти свободно владел русским языком и разговорился, обрадованный возможностью пообщаться с человеком с Большой земли. Он рассказал немало любопытных историй, две из которых Дмитрий даже записал на диктофон.

Первая повествовала о встрече охотников с каким-то диковинным «шибко большим» зверем с огромной драконьей головой и длинным костяным гребнем по спине, вторая уходила в дебри времен. Ее якобы рассказал Миргачану старый шаман, у которого он учился, и говорила она о появлении в стойбищах охотников каких-то странных людей с двумя лицами, ищущих «дыру в светлый мир».

Дмитрий, заинтересованный историей, начал было выпрашивать у хозяина подробности, но в этот момент где-то за стенами яранги зародился неясный шум, раздались далекие и близкие крики, и в ярангу, откинув полог входа, нырнул худенький мальчишка с глазами на пол-лица. Он что-то выкрикнул на эскимосском языке, глянул на Дмитрия и шмыгнул вон.

– Что случилось? – спросил Дмитрий.

Миргачан, кряхтя, поднялся:

– Опять барыги свару затеяли, однако. У нас всегда так: стоит только охотникам получку получить – они тут как тут. Спирт продают, водку, а кто отказывается – того бьют.

Дмитрий непонимающе посмотрел на шамана:

– То есть как бьют? Разве они имеют право принуждать человека покупать у них товар?

Миргачан махнул рукой:

– Многие и не хотели бы связываться с ними, да выпить любят. К тому же барыги почти ничего не продают, а меняют.

– Тем более. А власть как на это смотрит?

– Какая у нас власть? – снова махнул рукой шаман. – Главный бухгалтер, что получку выдает, кочегар Палыч, который тоже пьет много, однако, да я вот.

– А милиция? Участковый?

– Нету милиции, однако. В Ирпени есть, у нас нету. А барыги все здоровые, их боятся. Посиди пока, я попробую их успокоить.

– Я с вами, – встал Дмитрий.

Они вышли из яранги.

Было светло, белесое небо казалось покрытым изморозью. Температура в это время года здесь держалась на уровне минус пяти-шести градусов по Цельсию, но сильный ветер заставлял ежиться и поворачиваться к нему спиной...

По стойбищу бродили стайки детей, мужики в засаленных телогрейках и кирзовых сапогах, старухи и молодые женщины в национальных костюмах, отделанных таким потрясающей красоты орнаментом и мехом, что на их фоне поблекли бы и столичные красавицы в дорогих шубах. По случаю выдачи зарплаты в стойбище начался самый настоящий праздник, никто не работал, а самая большая толпа жителей поселка собралась на центральной площади, у магазина. Там же стоял вездеход приезжих менял, возле которого толклись охотники, пожелавшие обменять пушнину и мясо на водку, курево и другие «блага цивилизации».

В тот момент, когда Дмитрий и шаман подошли к вездеходу, трое молодцов в черных кожаных куртках били какого-то мощнотелого, но безвольного мужчину в старом десантном комбинезоне. Жители Уэлькаля молча наблюдали за избиением. Лишь женщины иногда начинали кричать на молодых людей и умолкали испуганно, когда четвертый приятель менял, не принимавший участия в расправе, с угрозой оглядывался на кричащих.

Мужчина упал. Молодые атлеты продолжали сосредоточенно бить его ногами, норовя попасть по голове.

– Прекратите! – сказал Миргачан, выходя из-за спин соплеменников. – Нехорошо, однако.

– Отойди, хромой, – брезгливо оттолкнул шамана четвертый парень, в танкистском шлеме. – Мы только поучим этого, чтобы знал, с кем связался.

Миргачан не удержался на ногах, упал, и Дмитрий не выдержал:

– Эй, чемпионы, может, хватит?

Молодцы прервали избиение, оглянулись. Тот, что толкнул шамана, поднял редкие белесые брови.

– А ты откуда такой выискался, оглобля волосатая? Тоже хочешь получить отпущение грехов?

Не говоря ни слова, Дмитрий помог подняться Миргачану, подошел к мужчине в комбинезоне, скорчившемуся на утоптанном галечнике, протянул ему руку:

– Вставайте, я вам помогу.

На миг показалось, что сквозь черные спутанные волосы на затылке незнакомца на Дмитрия глянули удивленные глаза, но потом это ощущение прошло. Мужчина зашевелился, отнял руки от небритого лица, посмотрел на Дмитрия, прищурясь, молча вцепился в протянутую руку и с трудом встал. Рука у него была горячая и влажная, как у больного гриппом.

Молодцы с вездехода, ошеломленные вмешательством Дмитрия и его спокойствием, опомнились.

– Ты чо, ох...л?! – выдохнул «танкист» в шлеме. – Ты за кого заступаешься?! Он же ворюга!

– Он человек, – хмуро сказал Дмитрий. – А если что и украл, то давайте разберемся.

– Да не хрен нам разбираться! Не вмешивайся не в свое дело, а то не ровен час волосы потеряешь!

– Я ими не дорожу. А вам советую: забирайте свой товар и уезжайте отсюда.

Стало совсем тихо. Затем «танкист» изумленно присвистнул, махнул рукой своим заржавшим приятелям, и те бросились на Дмитрия, поддерживающего под локоть избитого незнакомца. Что произошло в следующее мгновение, не понял никто.

Дмитрий вроде бы и не двинулся с места, и не махал руками, и не прыгал, но все трое нападавших вдруг оказались лежащими на земле лицами в гальку и мерзлую землю, и драка закончилась, не успев начаться. Дмитрий повернул голову к «танкисту», сузил похолодевшие глаза.

– Уходите отсюда! Мое терпение имеет пределы. Еще раз приедете в поселок – разговор будет другим. Же не компран?

– Чо? – вылупил глаза «танкист».

– Понял, мурло?

«Танкист» облизнул губы, внезапно сунул руку за пазуху и выхватил пистолет. Но воспользоваться им не успел. Дмитрий буквально исчез в том месте, где стоял, оказался вдруг рядом с молодцем в шлеме, вывернул у него пистолет и направил ствол в лоб.

– Понял, спрашиваю?

– По-по-по-нял... – вспотел «танкист».

– Убирайтесь! Живо!

Вдруг распахнулась дверца вездехода, со звоном ударилась о борт, из кабины на землю прыгнул какой-то чумазый подросток в ватнике и джинсах, бросился к Миргачану и Дмитрию с криком:

– Помогите! Я не хочу жить с ними! Они забрали меня насильно!

Подросток вцепился в шамана, залился слезами, и Дмитрий вдруг понял, что это девушка, очень юная, почти девчонка.

– Успокойся, однако, – проговорил Миргачан, погладив волосы девчушки заскорузлой ладонью. – Кто ты и откуда?

– Я из Колабельды, – выговорила она, глотая слезы. – Меня зовут Инира, они схватили меня и увезли... четвертый день уже...

Миргачан поймал взгляд Дмитрия, покачал головой:

– Она из поселка Кола, километров сто отсюда, однако. Инира по-русски – звезда. Родители небось ищут...

– Нет у меня родителей, я у кайат жила, у тетки...

– Сколько же тебе лет?

– Восемнадцать... скоро будет...

Дмитрий перевел взгляд на «танкиста», и тот отпрянул, поднимая руки, изменился в лице, заскулил:

– Это не я... это Вахида идея, он взял... а я даже не прикасался к ней...

Молодцы с исцарапанными о камни и мерзлые комья земли лицами начали подавать признаки жизни, озираться, переглядываться. Толпа жителей Уэлькаля вокруг загудела.

– Их убить надо! – выкрикнула какая-то старуха в драной шубе. – Сколько людей они обманули! Мужей спаивали! А теперь еще и детей крадут!

Шум усилился.

– Тихо! – рявкнул Миргачан на сородичей, посмотрел на Дмитрия. – Бандиты, однако. Их в милицию бы надо. Да только где она, милиция?

Дмитрий поднял пистолет, посмотрел вверх ствола на побледневшего «танкиста».

– Будь моя воля, я бы их всех утопил! – Он посмотрел на спасенного мужчину с заросшим седой щетиной лицом, перевел взгляд на девочку по имени Инира. – У вас есть связь с губернским центром?

– Есть, – вышла вперед женщина средних лет.

– Позвоните, передайте приметы этих... продавцов. Их найдут. А я, когда доберусь до места, продублирую. А теперь пусть убираются!

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Гиперборейская цивилизация располагалась на материке, который занимал бассейн Северного Ледовитого океана, и Крайний Север России для него был югом.

Купить: https://tellnovel.com/ru/golovachev_vasilii/kray-sveta

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)